Совершенство поэтической формы позволяет сделать вывод о полном постижении автором законов языка, даже об овладении ими. Значит, законы языка познаваемы. Но в таком случае познаваемы и другие законы, управляющие миром вообще, познаваем тварный мир, своеобразным воплощением скрытой премудрости которого, премудрости, отражающей Божественную Премудрость Творца, и является язык. Характеризуя «Российскую грамматику» Ломоносова, где наиболее полно запечатлелось его понимание языка, В. Б. Евтюхин замечает: «Это не холодный труд кабинетного ученого. В ней бьется пульс человека-творца, человеческого разума как отражения разума Божественного. Божественный разум, разум человеческий, красота творения и „красота", „чистота" и великолепие русского языка как части этого творения — вот опорные точки труда, именуемого „Российская грамматика"».[23] Осмысление языка означает постижение творения, что оборачивается постигаемостью Творца. Все это оказывается возможным, о чем свидетельствует стилистическое совершенство «Вечернего размышления...».

«Тварей исследовать не можем...» — гласит посылка энтимемы, иллюстрацией к которой является «Вечернее размышление...». Однако поэтическая материя оды, обнаруживающая глубокое проникновение автора в жизнь языка, несет в себе нечто иное, в каком-то смысле противоположное — можно исследовать не только тварей, но и то творческое начало жизни, которое одушевляет ее и дает возможность человеку осознать себя и тем более тварный мир. Получается, что семантика поэтической формы создает смысл, противоречащий логической формуле, положенной в основу текста. Эти два смысла — логический и имплицированный поэтической фактурой — вступают в своего рода диалог.

Вторая стратегия также связана с поэтической формой, точнее — с процессом текстопорождения. С известной долей преувеличения, но можно сказать, что этот процесс в оде адекватен описанным в ней природным явлениям. В «Вечернем размышлении...» говорится сначала о законах, регулирующих жизнь мироздания, а затем — о нарушении этих законов. По существу так же происходит и текстопорождение самой оды. Р. Лахманн, анализируя ломоносовское учение об inventio, выделяет в нем определяющую его характер оппозицию: план versus произвол, иначе — подчинение правилам versus творчество. План и произвол при этом оказываются соотнесенными друг с другом: нарушение правил само по себе является правилом, в этом нарушении содержится творческое начало.[24] Текст «Вечернего размышления...» полностью соответствует

---

[23] *Евтюхин В. Б.* «Российская грамматика» М. В. Ломоносова // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 2. СПб., 2001. С. 250.

[24] *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 145—151.